

СНОВА ПОШЛИ разговоры о безусловном базовом доходе (ББД) — теперь, что называется, "на новой технологической базе" — в связи с повсеместным введением искусственного интеллекта. Вроде как ИИ отнимет у людей работу, и они окажутся незанятыми. Ну и надо им платить некое денежное содержание. А они меж тем станут заниматься творческим трудом и даже что-то зарабатывать с помощью того же ИИ. Ну а не будут — вот тебе базовый доход, на который можно прожить, пусть и не роскошно.

Мне кажется, идея такого дохода — с ИИ или без него — это одна из базовых иллюзий нашего времени. Даже если бы это было возможно материально (в богатых странах это, наверное, возможно), никакой пользы для государства и общества и для самих людей это не принесёт. Никто не процветёт, не станет ни умнее, ни здоровее, не преуспеет в творчестве, а, скорее, обленится, деградирует и глубже занырнёт в модные и широко распространённые ныне душевные недуги вроде панических атак, фобий, депрессий и т. п. Польза от этого разве что "биг-фарме", которая с каждым годом продаёт всё больше успокоительных пилюль, а "Сбер" в своём футурологическом прогнозе пророчит в ближайшее десятилетие рост рынка "психического здоровья" (читай: этих самых пилюль) на 40%. Так что о "биг-фарме" заботиться не надо: она, в отличие от своих клиентов, отлично себя чувствует.

Эксперименты с ББД проводятся уже давно — преимущественно большими и важными корпорациями. Вот информация об одном из них: "Появились долгожданные результаты масштабного эксперимента по базовому доходу, инициированного генеральным директором "Оупен эй ай" Сэмом Алтманом. Исследование, одно из крупнейших в своём роде, предоставило участникам с низким доходом ежемесячные выплаты в размере 1000 долларов на протяжении трёх лет без каких-либо условий. Цель эксперимента заключалась в изучении влияния базового дохода на жизнь людей, и результаты оказались весьма примечательными.

Исследование показало, что основная часть дополнительных средств тратилась на базовые потребности, такие как аренда жилья, транспорт и продукты питания. Интересно, что испытуемые стали меньше работать, но при этом оставались активными участниками рынка труда и более осознанно подходили к поиску работы по сравнению с контрольной группой".

Об этом подробнее. Напомним: речь о выплате дармовых денег обычным людям, некоторые из них работают, иные ищут работу, кто-то чему-то учится и т. д. Это вовсе не какие-то особо убогие граждане — вполне обычные. Доход этот потому и безусловный, что выдаётся всем, независимо от их материальных и социальных обстоятельств.

И что же случилось с получателями ББД в ходе эксперимента? А вот что. Они стали меньше работать и "более осознанно подходили к поиску работы по сравнению с контрольной группой". Что это значит? Попросту говоря, не бросались на любую возможность заработка, а начинали рассуждать, нравится им эта работа или нет, интересна она или не очень, стоит ли туда идти или лучше повременить. Благодаря халвяной выплате они могли себе позволить такие рассуждения.

И это в высшей степени естественно и предсказуемо! Если бы я не знала результатов этого эксперимента, а мне просто предложили спрогнозировать его итоги, я бы ответила что-то весьма близкое. Потому что человек, средний, обычный, заурядный, каких большинство, крайне редко работает при отсутствии материальной необходимости. Уж точно он, этот средний, заурядный человек, не увеличивает количество труда без острой на то нужды. Скорее — уменьшает. И впрямь — зачем? Зачем в зимнюю стужу и темень подниматься спозаранку и тащиться на какую-то там работу, если можно прожить и так? А раз можно — отчего не прожить? При введении ББД это незатейливое рассуждение посетит многие головы. И общее количество труда будет уменьшаться.

А нам, нашему народу, надо, наоборот, увеличивать количество общественного труда. Естественно, при улучшении его качества. А ББД приведёт только к уменьшению количества труда и общей трудовой деградации.

Гипотетический получатель ББД будет работать, чтобы увеличить свой доход свыше минимума, предлагаемого этой выплатой? Кто-то будет, а многие — нет. Вспомните знаменитый труд Макса Вебера о протестантской этике. Там он описывает батраков-католиков, которые не велись на возможность дополнительно заработать. Они прекращали работать, когда достигали привычного для себя уровня заработка. А вот батраки-протестанты, по наблюдениям Вебера,

велись. И продолжали работать. В этом, по его мнению, и состоял "дух капитализма". Прав или не прав Вебер — я судить не берусь, его опровергают уже целый век. Но что есть масса людей, которые совершенно не стремятся к неограниченному росту дохода, а довольствуются неким привычным скромным уровнем, — это факт. И в нашей стране таких очень много (впрочем, и в других немало). Если дать этим людям ББД — у них не будет мотивации работать вообще.

Можно возразить: это умозрительные заключения, не основанные на широкомасштабном эксперименте. Отчасти это верно. Однако в моём распоряжении определённый экспериментальный материал — есть. И он свидетельствует о том, что при материальной обеспеченности очень многие бросают трудиться. Таких людей немало во всех возрастах.

Мне лично известно множество людей, которые, находясь в трудоспособном возрасте и не будучи инвалидами, не работают. Чем занимаются? Сидят на форумах в интернете, ездят на познавательные экскурсии, читают. В нашем посёлке знаю целую семью интеллигентных, получивших хорошее образование людей, которые вовсе не работают и никогда не работали. Зачем им работать? "Наследники всех своих родов" (как Евгений Онегин), они живут за счёт сдачи нескольких квартир, доставшихся от родственников, и тем довольны. Чем не безусловный доход? Куда уж безусловнее! Живут вовсе не роскошно, но вполне прилично. В последнее время к ним присоединился выросший ребёнок. Они могли бы жить богаче, больше себе позволять, если бы ещё и работали, но им этого не требуется, им и так хорошо.

БАЗОВАЯ ИЛЛЮЗИЯ

Безусловный доход как угроза

А вот красивый, довольно буржуазный дом. Старшее поколение в нём хорошо зарабатало, "вышло в каш" и прекратило деловую суету. Молодёжь — и не начинала, хотя "отцы" не были этим особо довольны: будучи людьми исходя советскими, они считали, что хотя бы по молодости работать всё-таки надо. Но их молодёжь не работает. Теперь подрастает молодое поколение внуков — подрастает в семье, где дети ни разу не видели, чтобы кто-то работал. Сделайте правдоподобное предположение: они будут работать? Вот и мне так кажется!

В ходу мнение, что получатели ББД, освободившись от рутинных работ, займутся разнообразным творчеством. Почти все, склонные к какому-то искусству, сочинительству, верят: если бы они не были вынуждены судьбой-злодейкой сеутиться на работе — они бы о-го-го что написали / нарисовали / наваляли / навалили. Наверное, иногда так случается, но в подавляющем большинстве случаев — это самоблэф и прекрасндоушная фантазия. Те, кому сужено творить, делают это в самых стеснённых обстоятельствах. А свобода от обязанностей и бездна свободного времени часто приводят к тому, что случилось с Онегиным: "...Труд упорный / Ему был тошен; ничего / Не вышло из пера его".

Я знакома с людьми, которые годами, да что годами — пятилетками, "готовятся к полиришу" (как сказано об Обломове): намереваются что-то сотворить, строят планы, обсуждают их с друзьями и знакомыми, а воз и ныне там. И дело тут вовсе не в занятости на работе и не в отсутствии ББД, а в чём-то совсем ином.

Не следует преувеличивать роль условий и обстоятельств в жизни вообще и в творчестве в частности. Эта роль есть, она велика, но она не решающая.

В центральном офисе компании "Белый кот" мы одно время вывешивали разные поучительные высказывания в рамках. Мои сотрудницы их часто утаскивали в свои маленькие офисы продаж. Особым успехом пользовался такой афоризм: "Я не верю в силу обстоятельств. В этом мире добивается успеха только тот, кто ищет нужных ему условий и, если не находит, создаёт их сам" (Джордж Бернард Шоу). Мне кажется, это очень верно; хочется надеяться, что кого-то из моих продавщиц эта мысль вдохновила.

Важно ещё и то, что для многих видов творчества работа в народном хозяйстве — это не помеха, а источник вдохновения. Для словесных искусств — уж точно.

"Нужно в жизни жить, работать в ней — инженером, врачом, педагогом, рабочим, колхозником. — Хорошо, а когда же тогда писать? —

Когда? После работы. В дни отдыха. В месяцы отпуска. — Много ли тогда напишешь? — И очень хорошо, что немного. Всё, что тогда напишется, будет полноценно, нужно", — отмечал известный советский писатель В.В. Вересаев. Особенно это важно для всякого рода журналистов, публицистов, аналитиков, футурологов и т. п. "Кабы я была царица", я бы приказала, чтобы все ознаненные специалисты три дня в неделю работали в реальном секторе экономики, а в остальное время занимались бы своими анализами, предсказаниями и прочими сочинениями. Количество их изделий, скорее всего, уменьшилось бы, но качество — неизмеримо возросло, потому что они бы не выдумывали и не высасывали из пальца свои мысли, но иногда брали бы их из жизни. Поэтам и прозаикам это бы тоже пошло на пользу.

Государству надо не ББД вводить, а всех приставить к делу. Нам насущно нужна обязательность труда для всех работоспособных граждан, за вычетом матерей малолетних детей. Нужно создать широкий фронт деятельности. Устроить общественные работы для тех, кто сам не может трудоустроиться.

Представление о том, что всех заменят роботы и ИИ, — босяцкая или интеллигентская (что зачастую одно и то же) фантазия.

ИИ преимущественно эффективен в работах, которые и людям-то делать необязательно и даже лучше не делать. ИИ превосходно умеет перемалывать с бешеной скоростью разные тексты и порождать на их основе новые, которые столь же малополезны, как и исходные. ИИ отлично пишет тривиальные статьи, дипломные работы и диссертации, бюрократические штамповки, выполняет переводы, рисует дрянные картинки. И делает это всё нарастающим валом.

А может, просто перестать создавать эти монбланы словесной трухи? Тем более что словесные изделия ИИ будут постепенно ухудшаться, поскольку в них будет содержаться всё больше материалов, произведённых самим ИИ, то есть искусственный интеллект всё в большей степени будет питаться собственными экскрементами. Зачем человеку, не способному без мучений написать пару страниц текста, писать трактаты с помощью ИИ? Может, ему просто заняться чем-то иным? Зачем переводить на разные языки то, чему и на родном-то лучше на свет не рождаться? Вот эти бесполезные работы с дивным успехом выполняет ИИ. Раньше их выполняли мириады разного рода копирайтеров, референтов, корреспондентов и т. п., а теперь они лишатся кормовой базы. Ну и отлично! Пускай займутся чем-то полезным.

На этом месте поднимается возмущённый ропот, переходящий в ор и уплююканье: она отрицает роботизацию, блага беспилотных роботов-тракторов и т. п. Нет, не отрицаю. Но надо помнить, что для обслуживания и вообще поддержания в работоспособном состоянии всей этой чудо-техники требуется огромное количество квалифицированных работников.

При этом сохраняется множество работ, которые роботы не выполняют. Например, насущно необходимо очистить критически загрязнённые подмосковные леса, а для этого потребны люди. В сельском хозяйстве, особенно в производстве овощей, требуется много рабочей силы. Собирая ягоды с кустов тоже работы не умеют, а если сумеют, то ягоды окажутся настолько дорогими, что лучше их просто не выращивать.

Вот для производства всех необходимых в народном хозяйстве работ и нужно ввести всеобщую обязательность труда. Я понимаю: это очень трудно организовать, легче воспользоваться гастарбайтерами, но этот путь, по которому идёт Запад, да и мы тоже, чреват большими рисками — "белые" упускают свои страны из рук, отдавая их во власть пришлым, как это когда-то случилось с Древним Римом.

Вообще, сегодня всё больше укрепляется античный взгляд на труд: это дело рабов. А высокоценные мы будем сидеть на ББД и наслаждаться "зрелищами", которые для нас заготовили фабриканты масскульта. Уверена: это ложный и очень вредный путь. Нет, это не дорога в никуда. Очень даже "в куда" — в упадок, деградацию и в конечном счёте в политическую и этническую смерть.

Что пособия любого рода развращают — это заметил больше ста лет назад народолюбивый Лев Толстой. Пособия деформируют традиционную и целесообразную картину мира, в которой человек должен сам зарабатывать свой хлеб. Тогда, в 1891 году, в некоторых губерниях случился неурожай, вызвавший голод. Правительство и общественность старались помогать голодающим, в чём участвовал и сам Толстой. В итоге он написал статью "О голоде", где показал, что определить, кому действительно нужна, а кому не нужна помощь и даже кто истинно голодает, — не так-то просто. При этом пособия — любые — развращают.

"Веками, поколениями выработались в людях приёмы приобретения богатств и средств к жизни и суждения о достоинстве различных приёмов! Приобретать трудом хорошо, похвалялось, без труда — дурно, стыдно. И вдруг являлся способ приобретения без труда, не подлый и не имеющий в себе ничего предосудительного. Очевидно, какую путаницу в понятиях производит такое появление нового способа приобретения. И то, что раздача пособий крестьянам считается заимообразною, не изменяет дела: крестьяне знают, что отдачи не может быть".

Далеко глядел граф Толстой! Тогда и пособий-то толком не было, а он уже понял: это — орудие развращения. Как и любые незаработанные блага.

Татьяна ВОЕВОДИНА

Иллюстрация: «Безработный», художник Илья Иванов

Летний зной 2008 года запомнился не только обстрелами Цхинвала, но и зловещим хрустом глобального финансового миропорядка. Именно тогда на страницах газеты "Завтра" появилась статья "Вечные вещи".

Сегодня, почти два десятилетия спустя, когда мир вошёл в фазу перманентного кризиса, мы публикуем снова этот материал, ибо обозначенные в нём проблемы ныне обретают особую остроту. Человечество стоит на пороге великого социального слома. Технологии, именуемые "искусственным интеллектом", перестали быть игрушкой. Они уже системно вошли в экономику. Они всюду — от бухгалтерских проводок до кинематографических сценариев и живописи. Сейчас ИИ пишет законы, составляет налоговые декларации и генерирует тексты статей.

Уже завтра стремительная роботизация выметет с фабрик и заводов миллионы людей. Производства, где ещё вчера требовались руки и мозг, сегодня обходятся без единого человеческого движения.

Что это — долгожданное освобождение или начало эпохи технологического апатейда? Машина вытесняет человека, оставляя его безоружным перед лицом нового нищеты.

Во благо общества параллельно с высокопроизводительным, роботизированным сектором, обеспечивающим базовый уровень благосостояния для многодетных семей, для пенсионеров и инвалидов, необходимо срочное возрождение кустарных и полукустарных производств. И это вовсе не игры в реконструкцию, а стратегическая необходимость.

СЕГОДНЯ внимание общества заострено исключительно на технической и технологической составляющих прорыва в будущее. При этом о создании новых социальных технологий речь не идёт в принципе.

Видимо, сам термин "социальная модернизация" для кого-то звучит уж чересчур страшно. Кто-то рассуждает так: "От социальной модернизации до социальной революции рукой подать..." Поэтому сама постановка данного вопроса кому-то кажется вредной, опасной и даже кощунственной. А между тем, если проблему развития рассматривать всерьёз, без социальных и культурных инноваций никак не обойтись. Более того, формулирование социокультурного проекта — главный этап в деле преобразования страны. Что делают нано- и прочие технологии, если культура и тип общества останутся заведомо отсталыми, вторичными и никак не напоминающими последнее слово социальной инженерии?

Суть любого прорыва — в открытии, а не в попытке повторить уже существующий где-то образец. Именно поэтому безнадёжная попытка "догнать и перегнать Америку" напоминает известную историю про Ахиллеса и черепаху. Прекрасное русское слово "предприниматель" как раз указывает на спо-

Такая "вторая экономика", намеренно низкотехнологичная и трудоёмкая, может быть нацелена на создание именно "вечных вещей". Экономика человеческого мастерства может стать элементом социальной терапии, но не только... Помимо очевидной утилитарной функции — гарантированной занятости и морально-психологическое здоровье нации — такая модель решает задачу, о которой не скажут в Сколково. Такая экономика сохранит все этажи цивилизации, обеспечит её прочность. Верхний этаж — это кремниевые чипы и квантовые компьютеры. Нижний, фундаментальный — это навыки плотника, кузнеца, вышивальщицы, пекаря и земледельца.

Сохранив прежние технологические уклады, мы создадим человечеству страховку от неожиданных падений. Если завтра вдруг схлопнется энергосистема и погаснут мониторы, кто возьмёт на себя бремя обеспечения жизни? Уж точно не те, кто умеет лишь писать промты для ИИ.

Разрыв технологической цепочки, смерть ремесла равноценны генетической мутации. Ведь если в один "прекрасный" момент все рабочие инструменты будут выброшены на свалку, а останется только клавиатура, то люди превратятся в уязловских беспомощных злов.

Настоящий момент требует от нас мер, лежащих по ту сторону цифрового феодализма. Искусственный интеллект не должен стать палачом культуры, отделив человечество от накопленных знаний и навыков.

ВЕЧНЫЕ ВЕЩИ

собность делать опережающие ходы. Поэтому успех во многом обусловлен умением предвидеть ситуацию и действовать, исходя из картины будущего. Ведь и успех — от слова "успевать".

России нужно успеть, во что бы то ни стало. Нам непременно надо перепрыгнуть в новое социальное время. Стать опять авангардом человечества.

Но куда мы должны прыгнуть? Что мы можем предпринять? Из каких заатрашних реалий исходить? Как только начинаешь думать собственн о перспективах, радужные картины будущего быстро тускнеют.

Конечно же, социальную стратегию новой России придётся выстраивать с учётом череды кризисных явлений в мировой экономике, с учётом серьёзных проблем в сфере экологии планеты, с учётом демографических показателей в России и соседних государствах.

Создание социальных ноу-хау — огромная задача и неисчерпаемая тема для дискуссий. Но дискуссии на

эту тему почему-то не ведутся. Власть предрержащие как будто верят только в чудесную преобразующую силу нанотехнологий, развитие которых должно оспасти всех граждан нашей огромной страны.

Когда-то, во времена позднего СССР, начитанные снобы из закрытых НИИ любили позубоскалить: дескать, декабристы в 1825 году хотели, чтобы в стране не было бедных, а коммунистам в 1917 удалось сделать так, что не стало богатых.

В сегодняшней России живут и богатые, и бедные — причём последних преобладающее большинство. Впрочем, представления о богатстве и бедности весьма и весьма относительны. В бескрайней пустыне богат тот, кто имеет при себе флягу с водой. В Люксембурге зарплата в 1000 евро считается нищенской.

Ясно, что в Советском Союзе уровень потребления в целом был ниже, чем в большинстве стран Запада. Однако это был несколько иной тип потребления.

Сегодня, когда фантом финансового кризиса бродит по планете, а мировой рынок при помощи рекламы и пиара штампует людские потребности как автоматические покрывши, когда коммунистическая дальневосточная ядерная держава превратилась, по сути, в один огромный завод по производству товаров народного потребления и завалила недорогими игрушками, автомобилями и т.п. шмотками весь прочий мир — именно сейчас следует задуматься о будущем.

Совершенно очевидно, что доминирующий в развитых странах тип производства и потребления является расточительством, непозволительной роскошью для планеты и ведёт к экологическому коллапсу и исчерпанию ресурсов и т. д. Это общее место и здесь никому не надо ничего доказывать. То, что полуторамиллиардный Китай включился в потребительскую гонку — грозный признак. В затылок ему дышит Индия, за Индией спешит Индонезия. Рыночный угар продолжается, мировое общество потребления распухает, как дрожжевое тесто. Consumer society предполагает сверхгедонизм, возведённый в прин-

цип, — гонку товаров. Всё это тысячами нитей связано с массовой культурой.

Дикая ротация вещей и автомобилей, непрерывные изменения моды, фактор "морального устаревания" того или иного предмета, стремительная смена "династий" телевизоров и холодильников, — всё это предельно сокращает срок эксплуатации той или иной вещи.

Сами производители закладывают в товар свойства, рассчитанные на короткий цикл ротации. Так, например, любая современная стиральная машина рассчитана на определённый, довольно короткий, период жизни, после истечения которого она ломается раз и навсегда. Дешевле купить новую вещь, чем чинить старую.

Относительно недавний феномен одноразовой посуды, одноразовых полотенец и тому подобного "одноразового" производства как нельзя лучше символизирует данную тенденцию.

Конкуренция — как производителей, так и потребителей — приводит к пугающей множественности альтернативных

товаров и услуг. Даже отпетые сторонники консумеризма не станут отрицать неустойчивость и потенциальную опасность подобной системы. Экологи правы: если в потребительскую гонку включится ещё треть человечества — праздник быстро закончится.

Но что же будет дальше? Очевидно, людям придётся вырабатывать новую культуру потребления, связанную с существенным снижением уровня такого. Сегодня аскетизм — не в почёте и социально унижен. Но завтра, быть может, добровольный отказ от материальных благ станет признаком хорошего тона. Институт утилизации сломанной техники уступит место старому доброму ремонту. В жизнь вернётся "бог ремонт" — как выразился когда-то писатель Булгаков.

Штопанные носки войдут в моду, но не это главное.

Главное — культура производства и потребления так называемых вечных вещей. В данном случае под вечностью надо понимать не бесконечность времени, но отрезок, соотносимый с длиной человеческой жизни. Так, крестьянская изба, способная простоять 100 лет, являл собой тип вечного жилища, чего не скажешь об обычном панельном доме, рассчитанном на куда меньший срок эксплуатации.

Производство таких "идеальных" вещей, способных прослужить много-много лет, потребует особого качества сборки и, вероятно, будет штучным. Данное направление представляет особый тип потребительской культуры. Главными станут прочность, долговечность и качество вещи, а не её новизна и популярность.

Цена таких вещей, разумеется, резко возрастет. Но общество в результате получит драгоценный ресурс, который перестанет бездумно проматываться в рыночной гонке.

И книги, и автомобили будут создаваться под заказ, строго в том количестве, в котором они необходимы. Приобретение такой "долгоиграющей", дорогой и драгоценной вещи станет, безусловно, событием для семьи, для рода. Этот "новый вещиизм" немного напоминает старые времена, традиционные кустарные, Средневековые — но, между тем, в этой формуле таится возможное будущее.

Вполне вероятно, что идеология "вечных вещей" и есть одна из опережающих социально-экономических технологий, необходимых России.

Андрей ФЕФЕЛОВ